

ИВАН КРАСТЕВ

УПРАВЛЕНИЕ
НЕДОВЕРИЕМ

ТЕТРАДКИ GEFTER.RU

Иван Крастев
Управление недоверием

«Европа»

2014

Крастев И.

Управление недоверием / И. Крастев — «Европа», 2014 — (Тетрадки Gefter.Ru)

Жива ли еще демократия? Гарантирует ли она «нормальный миропорядок», которого все ждали совсем недавно? Монография посвящена современному упадку политического стиля Европы и кризису демократической культуры. Крастев видит проблему не в институтах демократии, а в потере доверия масс к элитам. Он описывает мир управления недоверием, где элиты отгородились от избирателя «прозрачностью» и «сетевой демократией» (monitory democracy). Драма Украины – коррупция элит и уличные протесты – заводят средний класс в популистскую ловушку. Став сетевым конспирологом, избиратель попал в руки менеджеров недоверия. Автор книги – европейский политолог и философ Иван Крастев, председатель Центра либеральных стратегий (София) и постоянный научный сотрудник Института гуманитарных наук (IWM, Вена). Один из ведущих мировых интеллектуалов предлагает сжатый очерк перемен, надвигающихся на Россию: бум конспирологии в сумерках демократии.

© Крастев И., 2014
© Европа, 2014

Содержание

Архипелаг недоверия	5
Введение	8
Часть I	9
Недоверие избирателей	9
Ловушка для дураков	11
Трансформация демократии	12
Большинство, голосующее пустыми бюллетенями	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Крастев

Управление недоверием

Архипелаг недоверия

1. «Эта книга о демократии», вот первые слова автора – и нам их довольно, чтобы почти потерять интерес. Но для Ивана Крастева демократия – в опыте работы с реальностью. В России нет мест проработки опыта, и, не распознав собственных действий, мы огульно недоверчивы ко всему. Поэтому трактат о *демократии недоверия* для нас актуален.

Недоверие сопровождало нашу политику с первых дней и только росло. Редкие всплески доверия всегда были частными исключениями. Уже продвижение Ельцина в президенты строилось на управлении страхами избирателя. Процедуры еще соблюдали, но лишь как технику переноса недоверия – с президента на его врагов. Иные иконы доверия потемнели и были забыты, как Григорий Явлинский, Борис Немцов или генерал Лебедь. Но каждого из бывших идолов провожали столь яростным спазмом отречения, что недоверие в конце концов вошло нам в кровь.

2. Не отстояв идеал демократизации через европеизацию, Запад третий раз за сто лет после 1914-го проигрывает свою универсальную ставку. Иван Крастев никак не отграничивает упадка публичной политики в Европе от постсоветского Евровостока, которые чаще рассматривают обособленно. Размывание западного ядра евровосточной периферией объединено сюжетом общей драматургии – уже не рост прогрессивных сил. Не бунт левых «детей» против меритократических «отцов», а мятежи разобщенных граждан. Прощальный отказ горожанина, теряющего электоральную власть, от демократии участия.

Антиэлитный призрак вечно бродил в демократиях как закваска будущего. Но современный популизм не сродни мятежам 1968 года. Он не ищет утопий, требуя профинансировать ускользающий быт. Популизм движений XXI века взывает к потребительским правам, пытаясь воскресить докризисный образ жизни.

3. Центральная мысль Крастева – истощение способности демократии осваивать свой же домен, семью европейских обществ. Внешне на месте системы выборов работают политические институты. Однако все пошло чуть-чуть не так, как ждали. (Чудная метафора автора об избирателях, которые проголосуют однажды незаполненными бюллетенями, грозит сбыться в России.)

И вот это *чуть-чуть не так* однажды оборачивается, к примеру, падением Украины.

Украинская революция началась с ярких, знакомых сцен городского мятежа против коррумпированной автократии. Где такого не бывало? Сербия, Тунис, Таиланд... Но развертывание бунта в революцию привело к потере демократического пафоса. Завладев победой Евромайдана, старая элита спустила революцию с лестницы и, вытолкнув на Восток, заклеила «терроризмом». Не доверяя украинским избирателям Востока и Юга, Киев присвоил монополию триумфатора. (Тут Киев и Кремль мыслят одинаково, оба избирателю не доверяют.)

Украинская революция стала первой *революцией недоверия*. Именем «небесной сотни» развоплотили реальную страну. При помощи Москвы потеряли Крым; Одесса, как Беслан, дала новый топоним немислимому; в кровавом пятне Новороссии размокли границы. Буржуазная толерантная Украина приобщается к сонму теней Югославии.

4. Крастева тревожит падение готовности демократий к самопознанию – ведь демократы управляли словом и побуждением к выбору.

Но голоса глохнут, а обесцвеченные выборы выливаются в яркие уличные мятежи. *Оккупай* стали мейнстримом: оккупай Уолл-стрит, оккупай Таксим, оккупай Майдан... Но, в отличие от 1960-1980-х, каждый Оккупай отстаивает лишь самое себя. «Оккупай» Болотной выступил в защиту столичного стиля, политически его не уточнив. Этот консерватизм протеста был тут же подмечен властью – и обращен ею против «либералов с айфонами в норковых шубах».

Крастев говорит об упадке культуры компромисса. Избиратель уходит из институтов – демократическая система его теряет. Рост символической враждебности к элитам и мигрантам лишь симптом. Гражданин развернул герилью против воображаемых меньшинств, посягающих на его привычки. Он воюет против них виртуально, а социальные сети осыпают его «лайками», иллюзией большинства – которого он не обнаружит, когда выйдет на площадь.

5. Крастев отмечает болтовню о сетевой демократии – развитие социальных сетей не привело к росту прозрачности и контроля. Подачки недоверчивым, вроде российских видеокамер на избирательных участках, – фальш-окна, которые никуда не ведут. Зато граждане заняты сбором и передачей гигабайтов никому не нужных данных, а социальные сети гудят. Всюду сетевые инициативы: одни охраняют рыбок, другие – права рыбаков, третьи – спасают червячка от тех и этих, – мощное гражданское общество – сетевая *Monitory Democracy!*

Но по Крастеву, процесс демократии бесповоротно ушел на территорию недоверия. Сеть предлагает изумительные видовые туры для каждого презирующего элиты. Цифровые устройства позволяют наблюдать за функционером хоть круглосуточно – чем это принципиально отличается от браслета на Навальном? Как доказал Сноуден, в конце концов, все данные стекаются в один кабинет. Зато недоверчивая демократия сработала на отрицательный кадровый отбор – сильные характеры не идут в политику, это поднадзорное занятие. В результате у Европы нет хватки. Нет лидеров, способных выдвигать решения, например, по той же Украине.

Демократический субъект Европы выбрал *право на отказ*. Он уходит из реальной политики, чтобы далее заглядывать в нее сквозь смартфон.

6. Меритократии знали сюжет, ведущий из прошлого в будущее, – новым демократиям недостает глубины, чтоб отнестись к своему будущему всерьез.

Став беспамятной, публичная политика очень изобретательна в техниках недоверия. Расцвет конспирологий вместо критики, инфографика вместо драмы убеждений. Крастев видит беду не в институтах, а в крахе доверия масс к меритократии элит. Он рисует мир, где элиты отгорожены от избирателя экраном «сетевой демократии». А тем временем, как показала и трагедия Украины, коррупция элит при злорадной конспирологии масс ведет средний класс в ловушку.

Отсюда гипотеза Ивана Крастева: поскольку демократия без доверия невозможна, мейнстрим недоверия ознаменует паломничество Запада на Восток. Конвергенцию с нынешней Россией.

7. Россия воздвигла архипелаг недоверия, который с трудом сдерживает Путин. Местные элиты едва увертываются от масс, переадресуя их злость меньшинствам – воображаемым «бандеровцам», «либералам», «пятой колонне»... Мишени все волшебней, а реальные угрозы ближе; страх и ненависть всех ко всем все тотальной. Желая уберечь Европу от нашей судьбы, автор предупреждает, что управлять недоверием – не выход для демократий.

Сегодня недоверчивая Россия отрекается от мира, с которым едина и нераздельна (изолироваться значило бы для нас просто распасться). Но отречение смещает ориентиры, и Крастев рекомендует всем нам свериться, если не поздно. Иначе демократия станет анахронизмом прежде, чем будет отменена.

Глеб Павловский

Введение

Демократия без доверия

Эта книга о демократии. О демократии не как об идеале или наборе институтов, но как о коллективном опыте. Эта книга о природе и источниках нашего нынешнего разочарования в демократии. Будучи одновременно понятием и реальностью, демократия переживает радикальную трансформацию. Социальные и политические революции 1970-х и 1980-х годов («от Вудстока до Уоллстрит»), революции «конца истории» 1989 года, цифровая революция 1990-х годов, демографическая революция, политическая революция мозга, которая разворачивается перед нашими глазами, вызванная новыми открытиями в науках о мозге и бихевиористской экономике, сделали граждан свободнее, чем когда бы то ни было. Но одновременно все эти революции ослабили власть демократического избирателя. Наши права более не обеспечиваются нашей коллективной властью как избирателей, но подчиняются логике финансового рынка и существующим конституционным механизмам. Избиратели могут поменять правительство, но абсолютно не способны изменить экономическую политику. Элиты освободились от идеологической и национальной лояльности и стали глобальными игроками, оставив общество у разбитого корыта национального государства. Наступил глубокий упадок общественного доверия к эффективности общественных институтов. Это недоверие возникает не по причине порчи общественных служб. Оно возникает из-за того, что избиратели почувствовали свое собственное бессилие, – из-за их разочарования в демократии.

Некоторые из наиболее проницательных теоретиков современной демократии – включая Пьера Розанваллона, автора блестящей книги «Контрдемократия», – настаивают на том, что мы напрасно встревожены упадком доверия к институтам представительной демократии. Они утверждают, что это недоверие является критическим элементом политической системы и что демократия – это не столько про доверие, сколько про организацию недоверия. Словом, мы живем в век, когда обычные граждане могут проводить эффективный мониторинг исполнительной власти, а избиратели могут добиваться изгнания облеченных властью негодяев. Тем не менее граждане-избиратели вынуждены признавать, что не от них теперь зависит, в каком обществе они будут жить.

Верите ли вы в такую демократию недоверия? Можем ли мы довольствоваться нашими правами, не имея реального политического выбора? Я считаю, что нет, не можем. И эта небольшая книга является попыткой объяснить, почему это так.

Эта книга задумывалась не как пособие для ведения полемики или решения практических задач. Она представляет собой размышление, и читать ее нужно ради удовольствия от вопросов, которые она ставит, а не ради пользы от удачных ответов, которые она дает. Она написана как джазовая пьеса в тональности веселого скептицизма: скептицизма по отношению к уже опубликованным некрологам демократии, равно как и по отношению к иступленному желанию возродить демократию, полагаясь на несокрушимую силу технологического воображения. Это импровизация на тему демократии и доверия. Вопрос можно поставить просто: может ли демократия существовать без доверия?

Часть I

Недоверие избирателей

«Выборы ничего не решают» – гласит граффити, намалеванное на стене в центре моего родного города Софии. «Если бы выборы что-то решали, их бы запретили».

Никто не помнит, когда это граффити впервые появилось или кто его нарисовал, – возможно, какой-нибудь молодой анархист или совсем немолодой уличный художник. Никто не знает, почему состоятельные владельцы здания никогда не удаляли его (нет ничего удивительного в том, что муниципальные службы не смыли его, ведь у них никогда нет денег на такие вещи). Но со временем граффити стало своего рода девизом путешествия болгар через дебри демократии.

Когда бы их ни спросили, болгары никогда не упускают возможности сообщить социологам, репортерам и своим друзьям, что выборы ни черта не изменят. И не только болгары так думают и говорят.

Для того чтобы подчеркнуть общественный цинизм в отношении современной партийной политики, стоит пересказать историю Владимира Бойко. Бойко – молодой украинец, амбициозный, прагматичный и предприимчивый. В 2004 году он вместе с тысячами других молодых людей проводил дни и ночи на центральной площади Киева, протестуя против фальсификации результатов украинских президентских выборов. Он и люди, подобные ему, были символом национальной мечты о подлинной демократии. Они надеялись, что демократия принесет им процветание, новые возможности и перемены. К сожалению, как мы знаем, вместо этого после революционного оранжевого десятилетия Украина стала свидетелем коррупции, высокомерия и гордыни людей, облеченных властью. Украинские олигархи снова оказались единственными бенефициарами перемен. Вскоре после этих революционных дней лидеры движения перешли в наступление, но не против коррупции, а друг против друга. Экономика перешла в свободное падение. Негодяи дней революции выставлялись теперь спасителями нации. Что касается Бойко, он перестал интересоваться национальными проблемами и занялся заколачиванием денег. Сейчас его бизнес – это «аренда толпы». Его компания, «Легкая работа», собрала базу данных на нескольких тысяч студентов, пенсионеров и безработных, которых можно мобилизовать в любой момент для организации политических демонстраций в любом месте Киева. Они могут стоять часами и по команде выкрикивать приветствия или издевки. Для Бойко и его наемных работников идеология не имеет значения, когда они соглашаются играть роль «граждан» во время этих демонстраций. Им важно только то, чтобы деньги – обычно это 4 доллара за час – были выплачены вовремя. То, что было гражданским активизмом в дни «оранжевой революции», в наше время превратилось в активизм торгашей. Демократия уже не означает политику, демократия – это деловое предложение.

Можно сказать, что Болгария и Украина – это редкие примеры крайнего разочарования в демократии. Но также верно то, что настроение болгарских и украинских избирателей стало проявлением широко распространенной тенденции. За последние три десятилетия во всем мире люди голосуют чаще, чем когда бы то ни было, но во многих европейских странах большинство из них уже не чувствуют, что их голоса что-то значат. Существует долгосрочная тенденция снижения электоральной явки в большинстве западных демократий, и меньше всего склонны голосовать бедные, безработные, молодежь – то есть именно те, кто должен быть в наибольшей степени заинтересован в использовании политической системы для улучшения своего положения. Драматический упадок доверия с 1970-х годов ярко иллю-

стрируется тем фактом, что в большинстве западных обществ люди моложе сорока лет прожили всю свою жизнь в странах, в которых большинство граждан не доверяют своему национальному правительству.

Таким образом, хотя привлекательность демократических принципов кажется все более универсальной, хотя число демократий в мире растет (с вновь прибывшими Ливией и Египтом), доверие к компонентам демократии – партиям, выборам, парламентам, правительствам – находится в серьезном упадке. Профессор Мэри Кэлдор и ее команда в Лондонской школе экономики провели исследование источников новых протестных движений в Европе. Результаты показывают, что многие участники не столько протестуют против конкретной политики правительства, сколько выражают общее убеждение, что могущественные интересы захватили демократические институты и что граждане бессильны это изменить. Неудивительно, что растущее число людей начинают голосовать за оппозиционные или экстремистские партии. Новый популизм, который находится на подъеме в Европе и США, представляет не чаяния угнетенных, но скорее разочарование правомочных. Это не популизм «народа», увлеченного романтическим воображением националистов, как это было столетие и более тому назад. Это популизм пессимистического и напуганного большинства, опасаящегося, что их демографический упадок также означает утрату власти. По словам американского теоретика политики Марка Лилла, «это обстоятельство дает голос тем, кто чувствует, что им угрожают, но этот голос, подобно персонажам из фильмов с Гретой Гарбо, может сказать только одно: “Я хочу, чтобы меня оставили в покое”».

Вопреки мнению ученых, решивших, что люди потеряли веру в демократию, где-то в мире есть еще граждане, штурмующие улицы, чтобы провозгласить свое право на самоуправление. В то самое время, когда Бойко арендует толпы для украинского правящего класса за 4 доллара в час, десятки тысяч представителей московского среднего класса в путинской России – те, кто обычно зарабатывает по меньшей мере 20 долларов в час, – заполняют улицы, веря, что свободные и честные выборы дают России единственный шанс на лучшее будущее. В арабском мире миллионы людей сооружают баррикады, требуя демократического и подотчетного правительства. Что касается болгар, они не очень верят в демократию, но они также не верят ни в какие ее альтернативы. Каждой истории разочарования и отчаяния можно противопоставить пример энергии и гражданского мужества. В конечном счете все на твое усмотрение, дорогой читатель, – предаваться отчаянию или вдохновению. Тебе решать, находится ли демократия в кризисе.

Ловушка для дураков

Современная европейская история всегда оставалась очень подозрительной к обаянию буржуазной демократии. «Выборы: Ловушка для дураков» – гласил заголовок эссе Жана-Поля Сартра накануне парламентских выборов во Франции 1973 года. Веком ранее Якоб Буркхардт был еще более категоричен: «Я слишком хорошо знаю историю, чтобы ожидать от деспотизма масс чего-то иного, чем будущей тирании, которая будет означать конец истории». Но для того чтобы правильно понимать политическое отношение к демократии в Европе XX века, необходимо осознать страх перед революционными массами, лежащий в основе этого опыта. «В теории мы склоняемся к тому, чтобы видеть в революции движение, ведущее к освобождению, – писал Раймонд Арон в “Заре универсальной истории”, – но революции XX века благоприятствуют скорее рабству или, по крайней мере, авторитаризму».

Несмотря на то что «демократия» была боевым кличем Западной Европы в ее конфронтации с советским коммунизмом, недоверие к демократии было частью европейского консенсуса эпохи холодной войны. Демократии считались слабыми и нестабильными. Они были неэффективны в борьбе со злостными врагами. Они были слишком идеалистичны и слишком медлительны, когда надо было принимать решительные меры, связанные с применением силы. Демократический способ принятия решений был близоруким, сеющим раздор, расположенным к демагогии и манипуляциям. Не кто иной, как Уинстон Черчилль сухо заметил, что «лучшим аргументом против демократии является пятиминутная беседа с обычным избирателем».

В 1970-х немецкий канцлер от социал-демократов Вилли Брандт был убежден, что «Западной Европе осталось только 20 или 30 лет демократии; потом она сползет без руля и без ветрил в окружающее море диктатур, а от кого будет исходить диктат – от политбюро или от хунты, – это не имеет большого значения». Меритократия, но отнюдь не демократия была истинным идеалом европейского образованного класса. Меритократия и либеральный рационализм – но только не демократия – лежат в самом основании проекта европейской интеграции. Тем не менее, хотя сомнения относительно демократии всегда были в Европе, европейцы никогда не теряли веру в способность демократического общества к самокоррекции и в способность избирателей вносить изменения и преследовать коллективную цель.

Почему же в тот самый момент, когда демократия становится единственной политической идиомой глобального масштаба, многие люди в Европе и США ставят под сомнение способность демократических режимов служить коллективной цели? Что изменилось? Я считаю, что нарушилась связь между персональной свободой индивида и коллективной мощью избирателей. Некогда индивид осознавал, что он нуждается в других людях для того, чтобы защитить свои личные права; он вступал в политические партии и устраивал забастовки. Сегодня же индивид либо воспринимает свою свободу как само собой разумеющуюся, либо верит, что он может сам ее защитить с помощью клика мышки или предъявляя иск против правительства. То, чему мы оказываемся свидетелями, является не концом демократии, но, скорее, ее радикальной трансформацией.

Трансформация демократии

Некоторые полагают, что сегодня мы наблюдаем подъем постдемократического капитализма. По-моему, это больше похоже на зарождение постполитической демократии. Именно политика переживает кризис. По-прежнему верно то, что в капиталистических демократиях правительства зависят от доверия избирателей. Но природа этой зависимости изменилась. В послекризисной Европе мы стали свидетелями возникновения странного разделения труда между избирателями и рынками, когда заходит речь о работе правительства. Принятие решений в сфере экономики методично выводилось из компетенции демократической политики по мере того, как спектр политически приемлемого выбора начал драматическим образом сужаться. Политика свелась к искусству регулирования императивов рынка.

В течение XIX и XX веков гражданские свободы были защищены коллективной способностью индивидов совершать перемены. Люди получали права и сохраняли их, потому что обладали достаточной силой, чтобы их защищать. Сегодня наши свободы защищены логикой рынка, а не нашим коллективным усилием в качестве избирателей. Рынок верит в свободных автономных индивидов, способных рисковать и готовых принимать ответственность. Избиратели могут решать, кто войдет в правительство. Их голоса все еще «избирают» победившую партию. Но только рынок сейчас решает, какой будет экономическая политика правительства, безотносительно к тому, кто победил на выборах. Сегодня во время жарких споров в Европе о будущем институциональном устройстве еврозоны становится ясно, что новые правила еще больше ограничат возможность избирателей влиять на принятие решений в сфере экономики. Проще говоря, рынки хотят быть уверенными в том, что избиратели не станут принимать глупые решения. С экономической точки зрения это может иметь большой смысл, однако с точки зрения политики возникают весьма неудобные вопросы: могут ли люди хоть на что-нибудь влиять? зависит ли еще что-нибудь от избирателей? не превращается ли представительная демократия в нечто бутафорское?

Влияние рынка также сыграло свою роль в отставке итальянского премьера Сильвио Берлускони. В день его краха улицы вокруг президентского дворца были наполнены пением демонстрантов, размахивающих итальянскими флагами, и хлопаньем раскупориваемых бутылок шампанского. Зрелище было похоже на революцию. Но она была как никогда далека. Напротив, это был триумф власти финансовых рынков. Отнюдь не воля избирателей сбросила коррумпированную и неэффективную клику Берлускони. Это финансовые рынки вместе с бюрократической верхушкой Брюсселя (и руководством европейского Центробанка во Франкфурте) отправили откровенное послание «Берлускони должен уйти». Именно эти силы выдвинули преемника Берлускони, бывшего европейского уполномоченного и технократа Марио Монти на пост итальянского премьер-министра. У людей на улицах Рима были все основания чувствовать одновременно и экстаз, и бессилие. Берлускони ушел, но избиратель перестал быть самой значимой фигурой в переживающей кризис Италии. Люди на улицах были не участниками, но лишь зрителями исторических событий. Главной действующей фигурой стал рынок.

«Рынки – это голосующие машины», – сказал однажды президент Ситибанка Уолтер Ристон. – Они функционируют, проводя референдумы». Но уважение к влиятельности потребителя – не то же самое, что уважение к власти избирателя. Рынок не верит в то, что народ и правительство имеют право вмешиваться в тех случаях, когда решают, что рынки терпят крах. В начале XIX века в демократических Франции и Англии только от 5 до 10 процентов людей имело право голоса – образованные и состоятельные мужчины имели право решать все социальные, политические и военные вопросы. Сегодня избирательное право распространено гораздо шире. Но мы стали свидетелями сокращения числа вопросов, реша-

ющихся в ходе политического процесса. Все больше вопросов, например, каким должен быть размер приемлемого бюджетного дефицита, как в странах еврозоны, исключаются из электоральной политики.

В своей книге «Парадокс глобализации» гарвардский экономист Дани Родрик утверждает, что существует три точки зрения на управление напряжением между национальной демократией и глобальным рынком. Мы можем ограничить демократию для усиления конкурентоспособности национальных рынков. Мы можем ограничить глобализацию в надежде на установление демократической легитимности у себя дома. Но мы также можем глобализировать демократию ценой национального суверенитета. Однако мы не можем получить одновременно гиперглобализацию, демократию и самоопределение. Тем не менее именно это пытаются делать наши правительства. Они хотят, чтобы у людей было право голоса, но не готовы позволить им вести «популистскую политику». Они хотят снизить затраты на рабочую силу и игнорировать социальные протесты, но не хотят публично одобрять авторитаризм. Они отдают предпочтение свободной торговле и взаимозависимости, но хотят иметь решающий голос при определении закона страны. Таким образом, вместо того чтобы выбирать между суверенной демократией, глобальной демократией и дружественным глобализации авторитаризмом, политические элиты пытаются заново определять демократию и суверенитет для того, чтобы сделать невозможное возможным. Результатом стала демократия без выбора, суверенитет без смысла, глобализация без легитимности.

Короче говоря, избиратель утратил способность противостоять власти рынка ради общественного интереса. Сегодняшний кризис демократии лучше понимать не как угрозу индивидуальной свободе или как риск возвращения к авторитаризму (оппозиция «демократия/авторитаризм» стала во многом бесполезной в применении к политической ситуации на Западе), но вновь как разочарование правомочных. Избиратели не верят, что их голоса на деле что-то значат для управления страной даже тогда, когда они признают, что выборы были свободными и честными. Люди видят все меньше причин для того, чтобы голосовать. Иначе говоря, они видят все больше причин для того, чтобы голосовать незаполненными бюллетенями. Голос граждан становится простым шумом.

Большинство, голосующее пустыми бюллетенями

Это был ничем не примечательный день выборов в небольшой и номинально демократической стране где-то на периферии Европы. Дождь, идущий все утро, заставил народ сидеть дома, а политиков – опасаться или ждать с нетерпением низкой электоральной явки. Не было никаких признаков кризиса. Было общее ощущение скуки и фальши. Ожидалось, что правительство победит на выборах, а оппозиция успешно переживет поражение. В полдень дождь наконец прекратился, и люди начали приходить на избирательные участки, чтобы исполнить гражданский долг или удовлетворить политическую страсть, – возможно, просто из чувства азарта. В конце концов, граждане находят очень разные причины для участия в выборах. Но затем произошло нечто странное и действительно пугающее.

Когда избиратели проголосовали, оказалось, что число действительных бюллетеней не достигло 25 процентов. При этом партия правого крыла набрала 13 процентов, центристская – 9, а левая партия – 2,5 процента. Было совсем немного испорченных бюллетеней и только горстка воздержавшихся. Все остальные бюллетени, составляющие более 70 процентов от всех голосовавших, были пустыми. Истеблишмент, в данном случае правительство, и оппозиция были встревожены и смущены. Почему граждане оставили бюллетени незаполненными? Что они хотели этим сказать? Как голосующие пустыми бюллетенями смогли самоорганизоваться? Почему они не остались дома, если не было никого, за кого они хотели бы проголосовать? Почему они не проголосовали за оппозицию, если ненавидели правительство? Почему они не собрались перед парламентом и не взяли штурмом почтовое отделение, если настолько презирали систему?

Энергичные попытки правительства найти лидеров тайной сети голосующих пустыми бюллетенями закончились разочарованием и отчаянием. Оказалось, что у избирателей с пустыми бюллетенями не было идеологов или организаторов. Их акция не планировалась и не готовилась заранее.

О ней даже не сообщалось в «Твиттере». Расследование, проведенное тайной полицией, подтвердило, что до голосования идея пустых бюллетеней публично даже не обсуждалась, не было записано ни одного телефонного или скайп-разговора, в которых поднималась бы эта идея. Единственное рациональное объяснение состояло в том, что либо этот протест был организован некой внешней законспирированной сетью, либо большинство людей в одно и то же время – и независимо друг от друга – пришло к идее сдать незаполненные бюллетени. В итоге правительству не с кем было торговаться, некого арестовывать, некого даже шантажировать или кооптировать в свой состав. Короче говоря, фрустрация правительства отражала фрустрацию граждан. После недельной тревоги выборы были проведены снова. Но, вот поди ж ты, и на этот раз 83 процента оставило пустые бюллетени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.